

Предисловие

Прожита большая жизнь. Закончилась половина девятого десятка достойно прожитых лет. За это время в личной и общественно-политической жизни моей Родины — Великого Советского Союза, воспитавшего меня в духе преданности социалистическим идеалом, оптимизма и уверенности в светлом будущем, свершилось много ярких событий расцвета сил и постепенного их упадка, радостных достижений и горестных переживаний.

В общественно-политической жизни Страны Советов возторгались ее могуществу, неуклонному подъему и взлетам к победам всемирно-исторического значения: догнать и перегнать передовую империалистическую державу — Соединенные Штаты Америки. А затем пережить ее внезапное падение, тщательно подготовленное международным империализмом во главе с американским, претендующим на мировое господство, и полный развал по национальным информированиям, переживающим ныне огромные трудности в своем возрождении и почти самый низкий уровень жизни их бывших советских граждан, падение престижа высокоразвитой индустриальной державы Украина, до сырьевого придатка международного торгового рынка, другие очень тяжелые последствия во внутренней и международной ее жизни. Основной причиной таких негативных проявлении является навязанный Западом курс капитализации нашей страны, обернувшийся после лета 1991 года тем, что властные структуры на многих ведущих позициях экономики и политики захватили очень

оборотистые перевертыши, готовые не только предать все советское (вместо того, чтобы постепенно изменить, как это было сделано в Китае), но и продать свои души «желтому дьяволу» для того, чтобы безмерно обогатиться, присвоить себе созданные упорным трудом народа за годы советской власти мощные производительные средства и капитал, построить себе дворцы и кататься на «Мерседесах». Проводимая ими грабительская приватизация и либерализация экономики по рецептам МВФ оказались столь разрушительными, что привели страну на грань катастрофы. Если Украина в 1990 году производила 2,5% мирового ВВП, то уже к 2003 году этот показатель составил 0,5%. По экономическому потенциалу Украина из числа наиболее развитых стран мира (входила в первую десятку) оказалась на 151 месте и в числе 20 беднейших стран планеты.

Ценой и результатом капиталистических реформ стало расщепление общества на массовый слой бедняков и тонкий слой крайне богатых олигархов, добившихся устойчивой тенденции на переориентацию власти с интересов личности на интересы отдельных элитных групп, возведенных в «высший свет» и клятвенно под присягу оформленных в тайную международную масонскую ложу ордена «Святого Станислава» с центром в Лондоне.

Появляются все более убедительные данные о том, что в эту масонскую элиту входит значительная часть высших государственных чиновников, в том числе и правоохранительных органов. Поневоле приходится верить этим данным, ибо то, что они творят со своей страной и своим народом, не поддается никакой здравой логике: падение общественной морали, коррупция, подрыв доверия общества к властным структурам. Люди фактически выдавливаются из достойной легальной жизни. Она приватизирована «элитой» в теневую, постепенно превращающую массы бывших честных советских тружеников в бесправных, лишенных средств к существованию «работяг».

В итоге: с одной стороны недоверие к власти и политическая апатия общества, а с другой — оголтелый цинизм бюрократической элиты. Общество не интересуется властью, а власть — обществом и открыто демонстрирует отрыв от него. В условиях такого внешне кажущегося мирного существования борьба за возрождение Украины до ее бывшего достойного уровня и создание цивилизованного, правового государства европейского типа становится делом не только трудным, но и во многом иллюзорным. Не менее сложной представляется и борьба левых сил за возрождение и обновление социализма. Хотя, возможно, что-то и получится, если на выборах президента в будущем от левых сил будет выдвинут единый кандидат, и они сделают все необходимое, чтобы предупредить возможности власти в использовании административного ресурса для очередной фальсификации выборов.

Может это и патетически прозвучит, но какие-то надежды на это остаются, потому что понятие большой Родины для меня свято. Я тяжело переживаю крушение нашего бывшего государства — Союза Советских Социалистических Республик. Горько, больно, но приходится осознавать, что твоя Отчизна осталась в прошлом. Утешением служит то, что ты обрел гражданство в ее прекрасной жемчужине — Украине и живешь лучшими надеждами в ее древнем и славном эпицентре — г. Киеве вместе с детьми и внуками, для которых он всегда будет и большой, и малой Родиной.

Разрушение советского государственного строя и образа жизни советских людей стало возможным не случайно. Сразу же после окончания Великой Отечественной войны, завершившейся далеко не по первоначальному сценарию США и Англии, мечтавшими о выходе СССР из войны крайне ослабленным, они задумали провести против него — своего союзника по антигитлеровской коалиции — предательскую военную акцию под кодовым названием «немыслимая операция». Её планом предусматривалось нападение на советские войска, рассла-

бленные, как они считали, победой над фашистской Германией и союзническими заверениями США и Англии о совместном справедливом мироустройстве, спустя два месяца после завершения войны, точнее 1 июля 1945 года. К возобновлению боевых действий уже в ином направлении привлекались 10 германских и 47 англо-американских дивизий. В составе немецких соединений, помимо пригретеных американцами бывших эсэсовцев, находились недобитые вояки «Русской освободительной армии» и другие предатели. Этот план, подготовленный высшим британским генералитетом, Черчилль довел до новоиспеченного американского президента Трумэна, сменившего после смерти Рузвельта, поддерживавшего дружественные отношения с СССР в антигитлеровской коалиции.

Вот тогда-то, чувствуя свое бессилие «навредить России» в открытом бою и отказавшись от военной агрессии против нее, они взяли курс на развязывание «холодной войны». По своей сути — это была война биологическая, поскольку исполнителями ее провокационных и разрушительных действий должны были стать лица особой биологической направленности, для которых понятия «патриотизм», «отечество», «долг» — товары на продажу. Предусматривалось находить и готовить таких лиц, поощрять, внедрять, выдвигать и выгораживать их, превращая в своих агентов высшего влияния.

Детальный план новой доктрины подрывной деятельности против СССР, одобренный Трумэном, разработал в 1945 году президент «Совета международных отношений» (создан еще в 1921 году), он же руководитель «Агентурной разведки и тайных операций ЦРУ», Аллен Даллес (с февраля 1953 года по ноябрь 1961 года — директор ЦРУ).

Были ли в СССР силы, которые могли бы противостоять этому плану, сорвать или хотя бы уменьшить даллесовские намерения? Были — это, вероятнее всего, органы государственной безопасности. Написанная в 1963 году книжка Аллена Даллеса «Искусство разведки», в которой также приведены планы

развала СССР, была добыта нашей разведкой, переведена на русский язык и разослана руководителям всех органов, подчиненных Центральному аппарату КГБ. Ознакомившись с ней лично я, как и многие другие сотрудники-руководители, начал действовать и более принципиально оценивать поступавшие сигналы по данной проблеме, в целом по усилению борьбы с идеологическими диверсиями противника. В поле зрения стали попадать возможные исполнители даллесовского плана. Например, один генерал-полковник, кулацкий отпрыск и общеизвестный антисоветчик, пробравшийся в состав руководства Главного Политического управления Вооруженных Сил СССР, попал в поле нашего зрения как валютный контрабандист. Он при командировках в Группу советских войск за границей обменивал крупные суммы советских денег на инвалюту. Но предпринять законные меры мы оказались не в состоянии. После доклада в Центр, Москву, поступила команда: «Немедленно все имеющиеся на него материалы уничтожить».

Дело в том, что после смерти И.В.Сталина и разоблачения Берия было издано Постановление ЦК КПСС, в котором органы госбезопасности обвинялись в том, что поставили себя над партией и в дальнейшем лишались права заниматься всеми категориями партийных и государственных чиновников. Вот после этого и пошло-поехало. Эта категория лиц получала право на бесконтрольность и вседозволенность, среди которых нетрудно было найти инициаторов исполнения плана по развалу СССР, отдельные и без этого неплохо его растаскивали. Многие чекисты, которые действительно понимали, к чему это может привести, осмеливались подать свой голос в Москву, но находившиеся в Центральном аппарате КГБ, горбачевские выдвиженцы, например, по линии военной контрразведки генерал-лейтенант В.С. Сергеев, контр-адмирал В.С. Селиванов и другие, бескомпромиссно подавляли таких инициаторов, а то и просто расправлялись с ними увольнениями под наду-

манными обвинениями: «контрразведывательную работу по-прежнему ведет с обвинительным уклоном» и т.п.

Все это соответствовало общему тону развязанной на Западе и в нашей стране кампании дискредитации органов КГБ и принесло немалый ущерб государственной безопасности. Ожились всякого рода националистические, антисоветские и диссидентские элементы. Они вели непрерывные атаки на сотрудников КГБ, парализуя их волю в законной служебной деятельности.

* * *

Нашлись союзники у горбачёвско-ельцинских предателей и на Украине, из числа тех, о которых Клинтон говорил, как об «откровенно занявших проамериканскую позицию», тех, которых США с успехом использовали в своих целях уничтожения СССР входивших в СССР союзных республик, то есть Родины, тех же самых «проамериканцев»! На Украине их было не так уж много. История со временем назовет имена всей «пятой колонны», сыгравшей роковую роль в ее социалистической судьбе.

Превращая соседние с Россией вновь образованные «независимые» государства в «полигон», с которого уже не уйти никогда, США делают все, чтобы никто не догадался, против кого направлено расширение НАТО, ведут в отношении России замаскированную двойную дипломатию. Вынуждены вести ее потому, что здесь, «в сильнейшей державе мира еще недостаточно влияние США», а поэтому соглашаются на признания ее особого статуса в НАТО, демонстрируют проявления дружбы и партнерства, во всю эксплуатируя общую заинтересованность в борьбе с терроризмом, чтобы в объятиях «любви» окончательно придумать «ловкими политическими трюками», держать на голодной пайке и превратить ее богатства в свой придаток.

Власть России, прежде всего Президент России Владимир Владимирович Путин, своим обостренным чутьем бывшего закордонного разведчика, все это понимал, взаимностью отвечал

на любезности США и тоже провозглашал заверения в дружбе и союзничестве, а вместе с тем все больше делал дипломатически обоснованные и выверенные шаги в направлении на восток — в Китай, Индию, Вьетнам, Японию, в Северную и Южную Корею, и даже в Пакистан.

Опасаясь такого развития событий, США обеспокоены, прежде всего, возможностью восстановления социализма. Там, наверняка, помнят предсказания В.И. Ленина о том, что, в конечном счете, судьба социализма зависит от того, что такое Россия, Китай и Индия, составляющие гигантское большинство населения мира. Видя, что оно все больше склоняется к идеалам памятной советской цивилизации, к пониманию того, что она, и только она при некотором реформировании, например, по китайскому образцу, достойна претендовать на сияющую вершину общественно-политического развития современного общества, США продолжают ставить «мыслимые и немыслимые препоны для левых сил», до крайнего предела усиливая свой пещерный антикоммунизм и опять-таки в целях достижения мирового господства, чтобы стать единственной империей.

Казалось бы, что с этим никогда и никто не позволит себе согласиться. Но нет, находятся все новые и новые «слуги народа», которые не могут жить без участия в проамериканской политике, несмотря на ее явный колонизаторский характер, лезут и лезут туда, навязываясь в друзья и стратегические партнеры, с невиданным низкопоклонством и перетянутой рукой о помощи, не взвешивая и не оценивая должным образом то, какими бедами она оборачивается для народа.

Периодами, как-то вроде бы немного прозревая, отдельные политики и в целом украинская власть пыталась не упускать дружбу с Россией, давая торжественные обещания и заверения в верности, своему стратегическому партнеру, брату по происхождению и крови. В конце концов оказывается, что в этих обещаниях больше желания «сосать двух мамок», чем добиваться на практике взаимовыгодного сотрудничества. Снова все боль-

ше симпатий начинает проявляться в противоположную сторону и брани в адрес бывшего «российского» империализма, догадок о его новом проникновении и возможном возобновлении Россией своих имперских притязаний на Украину. Тем временем замечают, что возросший уровень экономических связей начинает падать и товарооборот во внешней торговле снизился, а значит надо опять вспомнить о дружбе с восточным соседом.

Такая двойственность, положение часового маятника и непоследовательность движений, периодически сменяемых на противоположные направления, в которых никогда не может быть компромисса, в конечном счете приводит к потере нужного прогресса и топтанию на месте, еще большему появлению своих проблем, что вынуждает бросаться то в одну, то в другую сторону. Так бесконечно продолжаться не может. Правонационалистические силы начинают усиленно лить слезы о вытеснении украинского языка русским, выступая против признания русского языка вторым государственным для межнационального общения. Обостряется также не знающая пределов пошлости и клеветы критика всего советского, социалистических идеалов, чтобы всячески опорочить левые партии и их руководителей, неизменно пользующихся доверием значительной чести населения страны и избираемых в Верховную Раду. Особенно сильно обостряется противостояние левым силам в периоды предвыборной борьбы, чтобы не случилось так, как это было в Молдавии, где на выборах одерживали победу коммунисты и получали пост Президента страны. Жизнь народа в Молдавии тогда стала неуклонно повышаться. Реально гарантировался постоянно повышавшийся прожиточный минимум.

На Украине вышедшие из советской партноменклатуры оборотни и перевертыши ежегодно развертывают шумную пропагандистскую компанию, используя тяжелые последствия голода 1932—1933 гг., вызванного сильной засухой и неурожаем на Украине, Кубани, Северном Кавказе, юге Поволжья и Западной Сибири, где мне лично пришлось тяжело пережить его. Хлеба

не было, никто не получил в колхозе не единого зернышка на заработанные трудодни. Выжили благодаря тому, что отец раскапывал хомячьи норы, каждый раз извлекая оттуда не менее пуда отборного зерна пшеницы, по специальной технологии перерабатываемой затем на жерновах в муку. Хлеб употреблялся крайне редко и экономно. Питались в основном картошкой и другими овощами, грибами, полевыми и лесными ягодами.

Все это на руку воскрешаемому агрессивному национализму, сегодняшним его наследникам и последователям, рвущимся к власти, которая бывшим его лидером провозглашена как страшная. Все это общеизвестно и нет необходимости раскрывать. А кто забыл и желает вспомнить, что они сеяли в прошлом и какова сущность желанной ими власти, лучше почитать не у меня, а у Дмитрия Табачника, написавшего, бесспорно, правдивую статью «Святые из ОУН», в бытность его кандидатом исторических наук.

Предвидя возможный развал Советского Союза после своей смерти, И.В. Сталин в беседе с Александрой Колонтай, близкой соратницей по партии большевиков и известной государственной деятельницей, в 1937 году, как сообщает газета «Тайное и явное», высказался: «И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний. Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия никогда больше не могла подняться. Острие борьбы будет направлено, прежде всего, против дружбы народов СССР, на отрыв окраин от России, с особой силой поднимет голову национализм. Возникнут национальные конфликты. Появится много вождей пигмеев, предателей внутри своих наций. И все же, как бы ни развивались события, пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь поднимут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам должное сполна... Свое будущее они будут строить на нашем прошлом».

К великому сожалению, всемирно-исторические заслуги советского народа в настоящее время всячески принижаются и искажаются. Нести и разъяснять их молодому поколению — долг всех ветеранов, святая обязанность перед его будущей судьбой. В послевоенные годы то и дело муссируется также ложь, что не СССР победил фашизм, а его союзники — США, Великобритания, Франция и другие страны, принимавшие участие в заключительном этапе войны. Советские люди высоко ценят вклад союзников в разгром фашистской Германии, но утверждать, что он был решающим, по крайней мере, безответственно.

Поскольку многие факты из истории Великой Отечественной и в целом второй мировой войны не выгодны необандеровцам, они всячески искажаются, история фальсифицируется, чтобы усыпить память народа в преступлениях фашизма и его пособников на украинской земле.

К чему это может привести и уже приводит, следует вспомнить о предупреждении еще одного великого и мудрого человека — президента ФРГ Р. фон Вайцзеккера, который 8 мая 1985 года сказал: «Кто закрывает глаза на прошлое, становится слепым в настоящем. Кто не хочет вспомнить о бесчеловечности, тот подвержен новым заразным опасностям». А у нас сегодня разносчиков «заразы» хоть отбавляй...

* * *

За отличия в боях Великой Отечественной войны и сорокапятилетней службе в органах государственной безопасности я был удостоен почетных званий: «Гвардеец», «Почетный сотрудник госбезопасности», «Почетный чехословацкий гражданин села Лоучень», «Заслуженный пенсионер», награжден орденами СССР и Украины: боевого «Красного знамени», «Отечественная война» I и II степеней, «Красная звезда», «Слава» III степени, «За мужество»; многими боевыми и юбилейными медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», «Защитник От-

ечества», «Ветеран Великой Отечественной войны», «Ветеран службы безопасности» и многими другими, в том числе наградами глав бывших правительств ГДР и ЧССР «Братство по оружию», в серебре и золоте.

Одним словом, есть о чем вспомнить и поразмышлять, а поэтому и появилось желание написать для родных и Близких, детей и внуков, наших славных потомков, друзей и бывших сослуживцев в Советской Армии и органах военной контрразведки. Написать сколько и как смогу. Желательно, конечно, это издать книжкой. Дотяну ли, не знаю, потому что снова пережить все, чем памятна моя жизнь и государственная служба в воспоминаниях «Через годы и расстояния» — это очень трудно. А поскольку у меня нет и необходимого опыта, то и крайне сложно. Так что хватит ли у меня умения «складывать слова в предложения», сил и здоровья — покажет время.

А пока с хорошим настроением я уверенно берусь вспоминать и писать о своей прекрасной Малой Родине — Западной Сибири, примерной учебе в школе и Новосибирском военной пехотном училище, об участии в героических сражениях на фронтах Великой Отечественной войны старшим сержантом 7-й Гвардейской воздушно десантной дивизии, о последующей службе в органах госбезопасности, пройдя сложный путь до генерала.

Родительский дом — начало начал...

Итак, моей малой Родиной является Западная Сибирь — край привольный и богатый, расположенный к востоку от Урала до реки Енисей, общей площадью около 3-х миллионов квадратных километров, то есть, равный почти всей площади Западной Европы. Большая часть территории занята Западносибирской равниной. На её юго-востоке поднимаются горы Алтая. В Западной Сибири сосредоточены огромные запасы нефти и газа, каменного и бурого угля, железных и полиметаллических руд, золота, алмазов и других полезных ископаемых. Наличие их одним из первых предположил великий из всех великих русских учёных Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765 гг.), охвативший своими открытиями в науке почти все отрасли знания. Он сделал научно обоснованное предсказание о том, что богатство России будет приумножаться богатством Сибири. И действительно, выводы Ломоносова подтвердились, особенно в период индустриализации СССР, когда освоение Сибири обеспечивало государству завоевание им по промышленному производству второго места в мире после США с некоторыми тенденциями опережения их по отдельным видам готовой продукции.

Непосредственное место моего рождения — деревня Кабаклы, Чановского района Новосибирской области относится к Барабинской низменности, переходящей в Кулундинскую равнину. Их поверхность местами покрыта параллельными высокими гривами. Село Кабаклы как раз и располагается на так называемой «Макаровой гриве», цветущей в летнее время

разнотравьем, роскошными визилиями и ковылями, высотой по пояс человека, затрудняющими передвижение по ним, и сбор имеющейся массы душистой и вкусной ягоды — земляники. Повсюду грива украшена берёзово-осиновыми колками, усыпанными в летнее время грибами (самыми ценными из них являются белый гриб и белый груздь), и ярко-красной костяникой, вкусной и очень полезной для здоровья ягодой, заготавливаемой на зиму в мочёном виде целыми бочками. Леса нередко соседствуют со сфагновыми болотами, с огромными кочками, заросшими осокой, с очень вкусной, слегка желтовато-зеленоватой, щёлочно-мягкой водой, пригодной для употребления человеком и животными, в частности, кишащими около них зайцами, барсуками и волками, а также разведёнными перед войной антилопами. В расположенных поблизости от деревни озёрах Кабаклы и Чертокулич бытует масса всякой прилётной на лето птицы (утки, гуси и др.) и круглогодично водится рыба (щука, красный карась, голяны и др.). Сюда устремляются не только рыболовы-любители, но и промысловики, вылавливающие большое количество рыбы, особенно зимой неводами через проруби толстого слоя льда.

Барабинская низменность — один из важнейших районов Западной Сибири по развитому молочному и мясному животноводству, наличию лучших мировых пород быков, коров, овец и свиней, крупного птицеводства. Высокоразвитое сельскохозяйственное производство основано на плодородном земледелии, на лучших в мире тучных чернозёмах, залегающих на глубину до 1,5 метра, дающих в благоприятные от засухи годы большие урожаи высококачественной яровой пшеницы, всегда пользующейся высоким спросом на мировых рынках. Хорошо развито также производство картофеля, свеклы, других кормовых и технических культур (лён, подсолнечник).

Чановский район именуется по названию огромного бессточного озера Чаны (площадь 2600 кв. км.). На нём много живописнейших островов, достойных кисти художника. Берега

озера сильно изрезаны, выглядят необычайно красивыми и соединены протокой с озером Малые Чаны. Оба они являются излюбленным местом охотников и рыбаков, вдоволь наслаждающихся своими щедрыми удачами. Многие из таких любителей приезжают в эти благодатные места не только из близлежащих населённых пунктов, но и из Новосибирска, Омска, а то и из Москвы и Санкт-Петербурга.

Райцентр Чаны — это посёлок городского типа, тут магазины и средняя школа, железнодорожный вокзал и кинотеатр. Из основных предприятий можно назвать крупный маслозавод общерайонного масштаба, мясокомбинат и кирпичный завод, огромный зернохранилищный комбинат — элеватор, поставщик высококачественного зерна, прежде всего пшеницы, на экспорт за границу.

Из всех богатств Западной Сибири самым бесценным являются люди, закалённые в сибирском резко континентальном климате. Выносливые и сильные, возможно, потому что там постоянно проходило смешение разных национальностей: русских с украинцами, поляками, немцами и прибалтами, перемещавшихся туда в разное время на постоянное жительство. Исключительно трудолюбивые — а без этого у Сибири не отвоюешь всего того необходимого, что нужно для жизни — героически смелые и беспредельно честные.

* * *

Моё социальное происхождение — из крестьян, так называемых «маломощных середняков». По вероисповеданию — православный христианин. Крещён в Кабаклинском церковном приходе. Днём своего ангела считаю 14 января — день Святого Василия Великого, Новый год по старому стилю.

Отец, Грачёв Ефим Терентьевич, родился 14 января 1881 года. В пятилетием возрасте вместе с матерью и старшими братьями Константином и Семёном, прибыл в село Кабаклы из Тульской

*Отец в период службы в царской армии. Омск, 2.2.1917.
Слева направо: в первом ряду отец Е.Т.Грачев, полковой писарь;
двоюродный брат Николай Константинович Грачев, рядовой.
Во втором ряду: дядя Константин Терентьевич Грачев,
рядовой; неизвестный сослуживец*

губернии, где родители и Константин служили в имении Льва Николаевича Толстого, великого русского писателя.

До 1932 года отец занимался единоличным сельским хозяйством и как любитель исполнял обязанности псаломщика при Кабаклинском церковном приходе. Хорошо помню о своём детском участии в изнурительных трудовых буднях крестьянина-единоличника. Наверное, с этим связано и то, что в школу пошёл не с семи, а с восьми лет, в 1933 году, когда уже окончательно стали членами колхоза им. Сталина. Поэтому меня никогда не покидает мысль: не будь бы коллективизации, возможно, так бы и остался в родном селе безграмотным или малограмотным крестьянином. О преимуществах коллективного сельскохозяйственного производства, мне кажется, не следует забывать и теперь, в период насильственно навязываемой «капитализации» села. Глубоко в этом убеждён на собственном опыте.

В начальный период членства в колхозе отец под ударами: «грамотный, но не хочешь помочь в организации колхоза», а затем и прямыми угрозами со стороны комитета бедноты о раскулачивании за причастность к церковным делам вынужден был согласиться исполнять должность т.н. организатора труда колхоза (объединяла функции счетовода, частично землемера и агронома). В этот период к нам в дом нередко приходили на ночёвку и ужины, сопровождавшиеся выпивками, различные уполномоченные района, а иногда и области. Отец постоянно тяготился своим организаторством, и к 1936 году нашлась замена, а он перешёл на разные работы почти бесконтрольного надомника, умельчески исполняя на дому заказы на всякого рода сельские изделия. Он был мастером «на все руки». Очень был доволен тем, что ни от кого не зависит, свободен в возможностях найти «минутку» для чтения книг (особенно любил юмористические новеллы О. Генри и А.П. Чехова, многократно перечитывая их короткие рассказы). Последний раз я общался с ним во время отпуска в июле 1951 года (после

этого в Кабаклах не был), а он через месяц умер. Из-за сильной занятости по службе не смог проводить его в последний путь «на царствие небесное». Осталось моей несбыточной мечтой побывать на его могиле, оборудовать её каким-нибудь памятником и отдать должное его светлому образу.

Мать Грачёва (девичья — Кондратьева) Татьяна Кузьминична, рождения 14 января 1886 года, уроженка села Ивановка (ж. д. разъезд Кабаклы) Татарского района Новосибирской области. Вместе с отцом занималась крестьянством единолично, а затем в колхозе и благодаря своему упорному трудолюбию всегда была в числе передовых, получая многочисленные благодарности и вознаграждения, а в 1937 году ее рекомендовали на Всесоюзный съезд колхозников-ударников в Москву, от чего категорически отказалась в пользу своей подруги Волковой Феклы, ссылаясь на то, что та член ВКП(б). Обладая высокой жизнеутверждающей энергией и волей, она никогда и никому не могла уступить в чём-либо, стремясь всегда и во всём быть первой. Даже на покосе сена или жатве зерновых косой, где в большинстве были мужчины, она вырывалась быть ведущей, т.е., «вести первую ручку».

Мать обладала крепким наследственным здоровьем и не помню случаев, чтобы она в годы моих детства и юности когда-то болела. С её слов известно, что даже в период колчаковщины, в 1921—1922 годах, когда свирепствовал тиф, им болели отец и шестеро их детей, похоронив их всех и с трудом выйдя отца, она, единственная, оставалась здоровой и не упала духом. У неё после всего этого хватило сил и воли в тридцатидевятилетнем возрасте родить меня, а через два года, 2 мая 1927 года брата Сашу, и ещё через два года, 18 января 1929 года, брата Ивана.

Не зная устали, мать обеспечивала наш дом (безусловно, с участием остальных членов семьи) всеми необходимыми запасами, огородными овощами и дарами природы (грибами, различными ягодами и т.п.). Как добрая, сердечная и заботли-

вая мать она всегда особую заботу проявляла о том, чтобы её три сына были хорошо одеты, обуты и накормлены. Навсегда остались незабываемыми случаи, когда в сильную зимнюю пургу, в выходные дни, не дождавшись моего появления дома из Чанов, где я учился в школе, что в 18 километрах от дома, она, рискуя жизнью, приходила ко мне с приготовленными полуфабрикатами еды (пельмени и прочее). Не могу не вспомнить и о том, как резко пресекая иногда попытки отца наказать кого-либо из нас, сыновей, за какие-нибудь провинности ремнём, брала в таких случаях полотенце, шлёпала им провинившегося и комически-шутливо приговаривала: «Вот тебе, вот тебе».

В то же время, с самого раннего возраста воспитывала у своих сыновей устойчивость к трудностям, умение держать удар, и не любила, когда кто-то из нас на что-то жаловался, а поэтому мы и не допускали этого, в какие бы крутые и трудные ситуации ни попадали.

Нас, трёх братьев, всегда объединяла взаимная привязанность, тёплая дружба, заботливое отношение друг к другу, родительская любовь, внимание и забота.

В нашей семье мама была бесконечно родной и близкой главой порядка, человеком высоких моральных критериев и требовательности. Мы никогда не видели её усталой, хотя и несла самую тяжёлую ношу. Мы, братья, это понимали и старались всячески ей помогать в «женском» труде: мыть полы, застилать, как выражалась мать, с любовью постели, ухаживать за массой комнатных цветов, и т.д. Её милое для нас лицо, залитое румянцем деревенского загара, всегда было приветливым к нам, детям, всегда мы видели на нём ласковое, любящее выражение.

Мы любили свою мать. И вообще считаю, что влюблённость в женщину берёт своё начало от влюблённости в мать и наследуется с той же силой чистых чувств. Это потрясающее состояние, по-моему, самое-самое что ни на есть се-

рьёзное. Его всегда вольно или невольно чувствуешь, но сформулировать его суть крайне сложно, а поэтому единого понимания у человечества не существует, более того, нет какого-то общего понятия, как оно появляется при выборе супружеской пары и почему, иногда без видимых причин заканчивается. При этом всегда остаётся понятной, конечно, другая любовь — к матери, в целом к родителям, детям, внукам и правнукам.

Отец в семье находился как бы на втором плане, но не уступал никому, в том числе и матери, своего влияния на нас, сыновей, в вопросах образования и начитанности, формирования души, состоянием которой, вероятно, и отличается один человек от другого как совершенно невероятное библейское создание.

Говорил отец всегда медленно, но так весомо, убеждённо и достоверно, используя свои большие познания, что почти всегда не оставлял возможности спорить с ним. В то же время доброжелательно относился к собеседнику и внимательно выслушивал его, когда тот сообщал ему какие-то новые знания или интересные идеи. Будучи организатором церковного хора, обладая приличным баритоном, пользовался у односельчан постоянным уважением и авторитетом. Их в чём-то, не встречая с его стороны возражений, могла не признавать только мать. Ав семейных делах она была настолько щепетильна, что вообще никаких авторитетов не признавала. Может показаться странным, но именно на такой основе они мирно в любви прожили всю свою совместную 48-летнюю жизнь.

Отдавая должное моему отцу, его потомки должны знать известный православный миф о том, что если в роду имеется служитель христиане кой церкви, то он искупит грехи своих родственников до седьмого поколения. Уверен, что мой отец, бывший псаломщик, знавший почти наизусть Библию, Новый Завет и Псалтырь, такой чести удостоится. А мы, все его потомки, нравственно заслужим это.

* * *

Закончив с отличными знаниями начальную Кабаклинскую школу без каких-либо трудностей поступил в 5-й класс Чановской средней школы. Принимали тогда в неё по конкурсному отбору, и не поступившим директор школы, всегда любезный Николаи Николаевич Мельников, душевно советовал не огорчаться, вернуться в село и учиться на тракториста, по известному девизу того времени: «Люди, овладевшие техникой, решают всё». До сих пор остались незабываемыми беззаветный труд, высокая образованность, душевная теплота и педагогический такт таких замечательных учителей, как Александр Васильевич и Мария Николаевна Колесниковы, у которых в дореволюционные годы в Луганской школе рабочей молодёжи учился слесарь К.Е. Ворошилов, Абдула Хасанович Камалов, очень уважавший меня и настойчиво советовавший стремиться стать математиком; Михаил Корнеевич Бойчук, физрук и учитель по рисованию; Берта Давыдовна Давыдова, преподаватель русского языка и классный руководитель 7 «б» класса. Восхищаясь их знаниями, всегда возникало желание быть похожим на них и стать учителем. Учёба в школе давалась легко, за исключением русского языка, по которому самой молодой, симпатичной и доброй учительнице, Берте Давыдовне, пришлось много вложить бескорыстного труда, в том числе и занятиями у неё на квартире вместе с одноклассником Шамаевым Дмитрием, всегда заканчивавшихся чаепитием с пирожками или пряниками.

Благодаря усилиям этой прекрасной души, я и Шамаев окончили семь классов с отличивши свидетельствами и похвальными грамотами, которые, начиная от поступления в Новосибирское военно-пехотное училище, прошли со мной и весь фронтовой период, находясь у самого сердца в кармане гимнастёрки.

Часть I

1418 дней и ночей

На фронт!

После Чановской школы, проработав лето в колхозе, в сентябре 1940 года, по категорическому настоянию двоюродной сестры, Рождественской Александры Константиновны, выехал к ней в г. Фрунзе (она работала там директором промтоварного магазина, жила с матерью, детей не имела и питала ко мне материнскую привязанность), где поступил в строительный техникум. Выбор был вынужден тем, что здесь, несмотря на опоздание, согласились зачислить меня на факультет гражданского строительства, оказавшийся в недоборе, без экзаменов, по льготам Почётной грамоты. Успешно закончив первый курс и имея твёрдое намерение продолжать учёбу в техникуме (за один год, полностью прошли по общеобразовательным дисциплинам программу за 10 классов), я приехал на каникулы домой в село, но началась война и все планы изменились. Отец твёрдо заявил, что во Фрунзе не отпустит и через маминного брата, Кондратьева Александра Кузьмича, устроил меня с 1 июля 1941 года лаборантом-анализатором маслозавода с. Киевка, Татарского района, Новосибирской области. Работа оказалась неинтересной и изнурительной (весь день делать анализ молочных продуктов), в связи с чем, 20 октября 1941 года, опять-таки при содействии дяди, перевёлся в Путевую колонну №2, 9-й дистанции службы пути, Омской же-

лезной дороги (размещалась в железнодорожном составе на ст. Татарская, курсировала по всей Омской ж.д., занимаясь аварийным и средним ремонтом пути). Здесь был зачислен счетоводом, трудился с огромным усердием, так как работа была во многом знакома (когда отец работал организатором труда, я ему помогал и освоил счёты так, что мог бегло считать, как говорится, с закрытыми глазами). Мои старания высоко были оценены замечательным человеком — начальником Колонны товарищем Заиграевым, искренне полюбившим меня, и он добился назначения меня в апреле 1942 года, после достижения 17-летнего возраста, старшим счетоводом, а в последующем и бронирования от призыва в армию, гарантировавшего мне всю войну отсидеться в тылу. Но случилось так, что, вроде бы по ошибке, я был вызван в Татарский горвоенкомат и после того, как сделали отметку о броне, спросил: «Куда меня хотели призвать?». Получив ответ: «Учиться на офицера в Новосибирском военно-пехотном училище», настойчиво заявил о своём желании осуществить это, написал заявление о призыве меня в качестве добровольца и получил предписание об освобождении меня от работы в недельный срок, к 20 октября 1942 года.

Прибыв в Новосибирское военно-пехотное училище, прошёл месячный курс молодого бойца и по отличным итогам (зарядка, полученная от Михаила Корнеевича Бойчука пошла впрок) определён на месячные курсы подготовки младших командиров; по окончании их получил звание «младший сержант» и назначен командиром отделения 4 взвода 20 роты училища. Зам. командира взвода был старшина Копылов, уважаемый нами фронтовик, который вскоре заболел и вернулся в военный госпиталь, где до зачисления в училище проходил лечение от полученного в боях ранения и тяжёлой контузии. Сразу же командир взвода ст. лейтенант Цыганенков поручил мне исполнять его обязанности, а когда, к великому сожалению, стало известно, что он в строй не вернется, 20 февраля 1943 года состоялось официальное назначение меня на эту должность

с присвоением звания «сержант» (приказ начальника училища был объявлен на торжественном собрании, посвящённом дню Красной Армии). Так началась с 4 января 1943 года и первоначально успешно утвердилась в качестве младшего командного состава моя последующая 47-летняя непрерывная кадровая военная служба.

Начало этого пути, военное училище, выбрал сознательно, по долгу патриотической совести, постоянно обострявшейся тем, что с фронта шли потоком похоронки, в том числе и односельчан: героически погиб лейтенант Польшиков Василий Михайлович (внук дяди, Грачёва Семёна, аккордеонист-профессионал, окончивший в первые месяцы войны то же самое Новосибирское училище, его брат Владимир, ветеран-фронтовик, живёт сейчас в Чаных), пропал без вести сосед Усольцев Александр Михайлович, ранен один из друзей детства Волков Александр Сысоевич (вернулся с фронта инвалидом, в 1996 году умер). Всего этого было так много, что даже перечислить невозможно. Мой отец ещё в 1940 году неуклонно убеждал, что скоро будет война, не хотел отпускать меня во Фрунзе, а с началом войны, в том числе и после бронирования за Министерством железнодорожного транспорта, постоянно пророчил, что обязательно придётся воевать. А раз так, то надо продолжать учиться военному делу самым настоящим и серьёзным образом. Именно продолжать, потому что ещё в Чановской школе этому было отдано немало сил при сдаче нелёгких нормативов на бывшие тогда в моде знаки отличия: «Осоавиахим», «Готов к труду и обороне», «Ворошиловский стрелок», полученные мною во всех степенях.

Военная подготовка в училище проходила по «Боевому уставу пехоты» — БУП-1, в объёме курса «командир батальона» в до невероятности огромном напряжении, применительно к боевой обстановке, в большинстве своём на занятиях вне класса: зимой — на загородном полигоне, а летом — в знаменитых Юргинских военных лагерях, в постоянных тренировках на реке

Томь, по преодолению водных преград, и на прекрасно оборудованном для всех видов полевого боя полигоне, с постоянными марш-бросками на 20 и более километров, причём нередко под известным наступательным девизом: «главное не отстать от танков — в этом сила пехоты». Молодость, высокий моральный дух и порыв преодолевали и эти испытания. Весь период учёбы был отличником боевой и политической подготовки и под таким заголовком на стенде Дома офицеров Новосибирского гарнизона и училища находилась моя фотография. Подтвердил это и при сдаче государственных выпускных экзаменов, проходивших в училище в первой половине июля 1943 года.

И вдруг, ожидая присвоения офицерских званий и находясь в положении, как выражались наши командиры-начальники, «без пяти минут офицеры», 29 июля 1943 года ранним утром, напоенным летним ароматом, теплом и свежестью воздуха, все были подняты по тревоге, и начальник училища объявил: «Хотите, считайте себя офицерами, хотите — курсантами, я могу уверенно сказать только одно. Вам по поступившему приказу Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина предстоит стать фронтовиками-гвардейцами, и я надеюсь, что вы будете умело использовать полученные в училище большим трудом и потом знания, навыки полевых учений в умении побеждать по-суворовски, достойно приумножить в схватках с лютым фашизмом боевую славу и героизм сибиряков, ярко проявившиеся в Московской, Сталинградской, а сейчас и в Курской битвах».

К исходу того же дня курсантский состав училища был погружён в эшелон и 10 августа 1943 года прибыл к месту назначения в Полтавскую область Украины и влился в 7-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию 4-й гвардейской армии, готовившейся на заключительном этапе Курской битвы к штурму обороны немецких войск в районе г. Ахтырки.

Так, перестраховываясь, Н.С. Хрущев выклянчил получение хорошо подготовленного и надежного, как это уже подтверди-

ли боевые схватки под Москвой и Сталинградом, пополнения из Сибиряков, прочность стойкости которых поэт Н.С. Тихонов образно описал в стихах:

*«Гвозди бы делать,
Из этих людей,
Не было б в мире,
Крепче гвоздей».*

В составе 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии

4-я гвардейская армия создана 16 апреля 1943 года на основе преобразованной 24-й армии в составе Воронежского, 2-го и 3-го Украинских фронтов участвовала в Курской битве и битве за Днепр, Кировоградской, Корсунь-Шевченковской, Уманско-Ботошанской, Яско-Кишенёвской, Будапештской, Балатонской и Венской победоносных фронтовых операциях. За это время армией командовали: Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза (1940 г.) Григорий Иванович Кулик — со дня создания и до сентября 1943 года, генерал-лейтенант Алексей Иванович Зыгин, 1896 года рождения, при форсировании Днепра погиб в бою в октябре 1943 года и после этого армией какое-то время продолжал командовать его заместитель, генерал-лейтенант Александр Иванович Рыжов, которого сменил генерал-лейтенант Илья Корнилович Смирнов, а с ноября 1944 года и почти до конца войны ею командовал генерал армии Георгий Федорович Захаров.

Входившая в состав армии 7-я гвардейская ВДД создана в соответствии с постановлениями ГКО от 8 декабря 1942 года на базе расформированного 5-го воздушно-десантного корпуса в г. Раменском, в 45 км восточнее Москвы

Наше прибытие в составе Новосибирского военно-пехотного училища на Воронежский фронт под командованием ге-

нерала армии Ватутина Николая Фёдоровича сопровождалось высоким морально-патриотическим подъемом. Ещё в училище и в период следования в железнодорожном эшелоне на фронт политработники широко информировали о начале 5 июля 1943 года Курской оборонительной операции, сорвавшей планы гитлеровского командования, подготовившегося провести крупное летнее наступление в районе Курского выступа. Имея разведсведения о готовности немецко-фашистских войск к наступлению, Ставка ВГК приняла решение временно перейти к обороне, чтобы в ходе её активного осуществления обескровить ударные группировки врага и этим создать благоприятные условия для перехода советских войск в контрнаступление, а затем и в общестратегическое наступление.

12 июля 1943 года войска Воронежского фронта, вместе с другими фронтами войск Советской Армии, включились в осуществление Курской наступательной операции, успешно её вели и наше прибытие на фронт оказалось приуроченным к её заключительному этапу победоносного завершения.

В том, что победа в Курской битве близка, никто не сомневался, и прибывшие на фронт курсанты сибирских военных училищ были готовы внести свой вклад и с честью пронести наполнявшую их гордость, общий морально-патриотический подъём в победу предстоящих боёв. Вместе с тем всех их не покидала боль, связанная с остававшимся непонятным и досадным вопросом: какая была необходимость посылать их рядовыми, когда они окончили офицерские училища по их полной шестимесячной программе и сдали государственные экзамены? Значительно позже это уже не стало секретом, но продолжало восприниматься всё с тем же недопониманием.

Ещё общестратегическим планом летней 1943 года боевой кампанией Советской Армии предусматривалось, что по завершении битвы на Курской дуге для развития её успехов должна быть проведена следующая мощная наступательная операция, вошедшая в историю, как битва за Днепр. Она представляла

собой труднейшую задачу исключительной важности и поистине эпических размеров, да ещё и приуроченную в международно-политических целях к жёсткому сроку. Поэтому такое решение позволяло исходить из известного принципа: «за ценой не постоим», а значит настоятельной необходимости крупного пополнения хорошо обученным личным составом, на чём, перестраховываясь, категорически настаивали командующий Воронежского фронта Н.Ф. Ватутин и его член Военного совета Н.С. Хрущёв. Не найдя других возможностей, И.В. Сталин принял, как нам говорили, нелёгкое для него, а для многих неожиданное и шокирующее, но очень важное с точки зрения достижения нужной победы, решение — направить на 1-й Украинский фронт пять сибирских офицерских училищ, курсанты которых закончили обучение и были готовы прибыть на фронт офицерами.

Таким образом, прошедшие закалку в самых суровых условиях Западной Сибири с резко континентальным климатом, холодной зимой, жарким летом (их минус и плюс нередко доходили до сорока градусов), великолепно подготовленные на напряжённых тактических занятиях по полевой выучке, приближённой к боевым действиям в различной обстановке, курсанты — выпускники военных училищ, фактически перешедшие в ранг офицеров, должны вступить в сражение с противником в тех должностях и званиях, в которых они были в училищах.

Одновременно с Новосибирским военно-пехотным училищем в Юргинском военно-лагерном центре Сибирского военного округа были подняты по тревоге и отправлены на фронт еще и Кемеровское и Барнаульское военно-пехотные и два Томских артиллерийских военных училища.

* * *

Находившейся в то время в составе 1-го Украинского фронта 4-й гвардейской армией командовал маршал. Советского

Союза Григорий Иванович Кулик (9.11.1890—24.08.1950 гг.), Герой Советского Союза, пребывал тогда по личному решению И.В. Сталина в звании генерал-майора как не справившийся с выполнением решения Ставки Верховного Главнокомандования (СВГК) по обороне г.Керчь.

Выступая перед построением Новосибирского военно-пехотного училища, проведённом на опушке леса, вблизи огромного кукурузного поля, наливавшегoся спелостью хорошего урожая, Г.И. Кулик объявил, что наш личный состав вливается на пополнение 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии и представил её командование: командира гвардии генерал-майора Михаила Герасимовича Микеладзе, зам. командира по политчасти — гвардии полковника Василия Ивановича Бабича (имел шикарные усы, он, видимо, недавно перенёс ранение, так как опирался на палочку-трость) и начальника штаба — гвардии полковника Николая Николаевича Гладкова, который в послевоенное время жил в Москве, возглавлял Совет ветеранов 7-й гвардейской ВДД, многое сделал для их объединения в других городах бывшего Советского Союза, возрождения памяти о героических подвигах десантников, и в 1993 году написал об этом совместно с бывшим начальником штаба 29-го гвардейского воздушно-десантного полка Иваном Исaeвичем Шинкаревым хорошую книжку «На поле ратном».

Затем Г.И. Кулик подробно остановился на стойкости десантников, проявленной перед недавним прибытием на Украину, в Курской битве. Заметив, что у нас нет в экипировке сапёрных лопат, долго и, как мне показалось, очень нудно поучал о её значении в бою, что значит для личного выживания надёжно и вовремя окопаться. Он часто употреблял крепкие слова, полагая, наверное, что на такой «моральной чистоте» можно лучше сблизиться с сибиряками. А закончил своё выступление, как сейчас помню, вот так: «Мои маршальские погоны, Звезда Героя Советского Союза и ордена лежат у Иосифа Виссарионовича Сталина. С вами, орлы мои, и я их верну за предстоящие мои

с вами победы, в возможностях достижения которых с вами, прославленными сибиряками, я не сомневаюсь». В шеренгах курсантов сразу же стихийно возник ропот недовольства, вызванного недоумением от того, почему мы должны воевать за чьи-то звания и ордена, так как каждый был готов, не щадя жизни, заслужить свои. Генерал Кулик Г.И. моментально отреагировал на это массовое возмущение, и в полный голос выкрикнул: «Я уверен, вы прославитесь как герои и будете заслуженными орденосносцами!», чем вызвал радостное расслабление, возгласы «Ура!», аплодисменты.

Так закончился неожиданно возникший мимолётный психологический конфликт с маршалом, очевидно, убедивший его в готовности нового пополнения бороться с фашистами: не на жизнь, а на смерть. Затем генерал Кулик Г.И. уехал со своей свитой, а начальник штаба дивизии гвардии полковник Н.Н. Гладков вместе с начальником разведотдела штаба майором Иваном Ивановичем Голодом, проходя мимо строя училища, спрашивали: «Есть ли среди вас кавалеристы?». Так, при полном молчании курсантов, они подошли к замыкающей строй 20-й роте и спросили о том же. После некоторой растерянности от неожиданности такого вопроса я ответил: «Кавалеристов нет, есть хорошие наездники». Такой ответ у меня вырвался потому, что я вырос с малых лет на лошади и уже подростком участвовал в приручении и объездах молодых лошадей. И, как говорят в таких случаях, «его с лошади шапкой не собьёшь».

Вступив со мной в разговор и подробный расспрос о людях взвода, гвардии полковник Н.Н. Гладков предложил отобрать лучших двадцать пять человек. На моё возражение о том, что я не могу этого сделать, так как это нанесёт большую, непростительную обиду остальным двадцати курсантам и они вправду будут считать меня по отношению к ним предателем. Взвод, в отличие от других, как и взвод первой роты, по неизвестным мне соображениям, командованием училища укомплектован был лицами со средним и неполным средним образованием,

всегда был воедино сплочённым и отличным. Потому я и позволил себе так ответить, за что мои подчинённые курсанты впоследствии были искренне признательны.

На моё заявление полковник Гладков заметил: «Ну, уж прямо-таки, сразу и предателем». И, немного пошептавшись с майором Голодом, принял решение взять всех сорок пять курсантов в полуэскадрон конной разведки во главе с командиром, гвардии лейтенантом Александром Андреевичем Бортуновым, в распоряжение которого мы сразу и были отправлены.

Заградотряд в Курской битве

В тот же день, 10 августа, прибыв в полуэскадрон конной разведки, был введён в его штат заместителем командира взвода, в который вошли 24 бывших курсанта, а остальные были ветераны, получил положенное вооружение и седло. Лошадь, сказали мне, приобретёте в бою. Вечером во время ужина выдали всем по сто граммов спирта и по пачке ростовских сигарет «Наша марка». От получения их я отказался, вызвав многочисленные удивления, так как до армии никогда не пил и не курил. Даже при проходах в НВПУ отец мне не налил рюмку водки, а на замечание соседа Егора Михайловича Усольцева: «Ваське-то налей, ведь он уходит на войну», отец ответил: «Он дома не пил, пусть так и уходит непьющим, целее будет». Поздним вечером командиром роты был назначен с группой новичков в ночную разведку и прошёл подробный инструктаж. Эта первая в разведке ночь запомнилась мне на всю жизнь, хотя определены мы были в группу обеспечения и остались охранять в лесу лошадей. Наполненная непроглядной темнотой, она показалась бесконечно долгой, и провёл её я в страшной тревоге, настороженно фиксируя каждый упавший с дерева листок и малейший лесной шорох.

Закончилось всё хорошо. Группа захвата привела к утру, уже на рассвете, ценного языка — офицера моторизованной дивизии СС «Великая Германия». Правда, радости от него вначале было немного, он первые часы упорно твердил, что уверен в окончательной победе Гитлера. Но, наконец, понял бессмысленность своего запирательства и дал важные показания о том, что на рубеже Высокое — Прокопенко против 7-й гвардейской ВДД, кроме его мотодивизии СС, ещё и части танковой дивизии, имея в общей сложности 90 танков и штурмовых орудий, а также 45 бронетранспортёров с мотопехотой.

При взятии языка отличился, и это уже не первый раз, гвардии старший сержант Николай Лобач, отважный разведчик, сибиряк-охотник, большой мастер по захвату языков противника, вместе со своей постоянной, и не менее храброй напарницей Шурочкой. Ежедневно участвуя в разведке, в различных её видах, побывал в группах прикрытия и огневой поддержки при операциях взятия языка. На поле боя приобрёл себе хорошую кавалерийскую лошадь, обученную приёмам защиты своего всадника во время боя. Так, однажды я попал, едучи на ней, под неожиданную бомбёжку. Пришлось укрыться в рядом находившемся окопе. Эта лошадь пала на колени, и грудью прикрыла меня в окопе. Освоившись, я уже хотел напрашиваться в группу захвата, но этому не суждено было сбыться.

В полуэскадрон прибыли начальник военной контрразведки «Смерш» дивизии капитан Жуков и его заместитель майор Недашковский. Вызвав меня, поинтересовались, каким образом весь взвод курсантов НВПУ оказался у разведчиков, образовав за штатом излишки личного состава, а они, вроде бы, по этой причине, не получили планировавшегося им пополнения из курсантов в заградотряд — роту автоматчиков. Жуков приказал отобрать вместе со мной 20 человек лучших бывших курсантов, невзирая на то, зачислен кто-то из них или нет в штаты разведки, что и было сделано. Причём, со стороны командова-

ния никаких возражений не было, его представители вели себя как провинившиеся школьники.

Майор Недашковский провёл подробный инструктаж о нашей дальнейшей службе, и в заключение заявил, что направляемся мы в заградотряд, хотя заграждать нам, видимо, не придётся, да и некого будет. За всё время боевых действий в дивизии не было ни одного случая отступления в бою наших десантников а, тем более, бегства с переднего края. Поэтому нам предстоит действовать на очень ответственном направлении боёв против мощного оборонительного рубежа немцев в районе г. Ахтырки Сумской области. Признаюсь, что этими сообщениями лично я не очень был обрадован и в душе сожалел, что не посчастливилось продолжить службу в разведке, предоставляющую большое поле для личной инициативы при выполнении заданий, смекалки в манёвре действий, находчивости и отваги. А это значит, что при хорошей военной подготовке, полученной в Новосибирском училище, наличии «головины на плечах» и физической силы можно на фронте выжить. Вот такие мысли будоражили, мою голову, но о них никому не скажешь.

Пришлось делать вид, что новым назначением доволен, и пришлось принимать должность зам. командира взвода не то заградотряда, не то автоматной роты 29-го гвардейского воздушно-десантного полка. В его расположение, занимаемое во втором эшелоне, сопровождал нас оперуполномоченный ОКР «Смерш» старший лейтенант Вячеслав Петрович Болдырев. В штабе полка с нами встретился, и почти с каждым коротко познакомился старший оперуполномоченный контрразведки «Смерш» капитан Китин Пётр Иванович, произведший на меня очень сильное впечатление: симпатичного, волевого и уверенного в себе, вместе с тем, добродушного и постоянно улыбающегося остролова и шутника. О нём я ещё в дальнейшем буду неоднократно вспоминать, так как его роль в моей судьбе была очень значительной. Тут же был представлением и командир

взвода — младший лейтенант Петренко Иван Алексеевич, о котором узнал, что ранее он служил в этом же подразделении, был старшиной, и так же командовал взводом, в бою был ранен в грудь, проявил отвагу и награждён орденом «Красная Звезда», а вскоре, по ходатайству капитана Китина П.И., ему присвоили звание младший лейтенант. Выглядел, он хмуро, лицо его казалось безжизненным, потрёпанным и морщинистым. Видимо, не совсем ещё выздоровел после ранения. Ближе познакомиться с ним мне не удалось, так как в первом же бою он погиб, и я стал исполнять его обязанности.

19 августа 1943 года, примерно к 10 часам дня, новое пополнение вместе со мной и Петренко прибыло в автоматную роту. Размещалась рота в большом крестьянском дворе недавно освобождённой деревни (название забыл), находившейся в нескольких километрах от Ахтырки, юго-восточнее её. Сразу же приступили к знакомству с личным составом, я с «ветеранами» взвода, а Петренко с «новичками». К обеду эту обязанность закончили, и был составлен общий список личного состава по установленной форме.

Во время обеда, как и в разведке, старшина выдавал всем по пачке сигарет и по сто граммов спирта, каждый раз отмеряя стограммовым металлическим стаканчиком, прикрепленным к длинной ручке, позволяющей запускать его до самого дна пятидесятилитрового бидона. Положенная норма спирта выливалась в личные фляжки десантников прямо над бидоном так «ловко», что часть его попадала обратно.

Подойдя к старшине, я опять-таки отказался от спирта и сигарет. Пожав плечами, он сказал: «Это дело хозяйское». Обед оказался на славу сытным: хороший суп с крупой и картошкой, перловая каша с большими кусками говяжьего мяса и чай. Быстро «отстрелявшись» ложкой, подошёл к своему другу по училищу рядовому Николаю Григорьевичу Черных, обрусевшему украинцу из Алтайского края, которого любил за его привлекательный внешний вид высокорослого «парубка», чисто-

плотность и аккуратность во всём, чёткую исполнительность, оптимизм и постоянное хорошее настроение (он от спиртного не отказывался). Разговаривая с ним, вдруг слышу, один из «ветеранов» взвода говорит другому лежащему рядом с ним на боку и принимающему пищу: «Ну и командира нам дали, старшего сержанта-сопляка. Не пьёт, не курит... Зря голову не подставит»...

Это сразило меня, и показалось ужасно обидным. Я тут же подошёл к старшине и повелительно заявил: «Отдайте мои сто граммов и пачку сигарет». Он изумлённо ответил: «Пожалуйста, будь ласка». Этот день, 19 августа 1943 года, мне запомнился на всю жизнь. С тех пор я 56 лет с кажущимся наслаждением курил (бросил потому, что поздно, но осознал вред курения для здоровья) и никогда не отказывался и не отказываюсь сейчас от возможности выпить «чарку» в дни радостных событий, праздничных и других торжеств.

* * *

А между тем, как это отражено в боевом формуляре 29-го гв. ВДП, наступила жестокая пора смертельных боёв заключительного этапа Курской битвы. Воспользовавшись некоторой пассивностью противника на левом фланге дивизии, наступившей после того, как вновь введенной в бои свежей немецкой 11-й танковой дивизии 20 августа, при попытке прорваться через боевых порядки 18-го и 21-го воздушно-десантных полков, был дан сокрушительный отпор, генерал М.Г. Микеладзе решил контратаковать его ночью силами 29-го гвардейского воздушно-десантного полка при поддержке 3-го дивизиона 10-го гвардейского артиллерийского полка, 3-й батареи 8-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона, и улучшить положение своих войск. 21 августа в 2.30, после пятнадцатиминутного огневого налёта всей артиллерии дивизии, гвардейцы-десантники под командованием командира полка —

майора Григория Васильевича Кочеткова — стремительно ворвались в совхоз «Ударник», находившийся в 15 км. юго-восточнее Ахтырки, и овладели этим важным опорным пунктом противника. Оправившись от внезапной ночной атаки, гитлеровцы сосредоточили до тридцати танков и штурмовых орудий, мотопехоту на бронетранспортёрах и вновь перешли в наступление.

Особенно сильные атаки враг предпринял против 1-го и 2-го батальонов гвардии капитанов Ивана Прокофьевича Чехова и Емельяна Степановича Гудыменко, которые перешли к обороне на северо-западной и юго-западной окраинах совхоза.

Так четыре танка, свирепствовавшие над нашими окопами, были уничтожены, и наши автоматчики «заградотряда» (действуя вместе с личным составом полка) отрезали от них и уничтожили наступавших под их прикрытием пехотинцев.

Когда противник был отброшен, оставшиеся в живых воины-десантники откопали раненых и засыпанных землёй своих побратимов, подбивших фашистские танки. Это были сибиряк, лейтенант Фёдор Березовский и уралец, комсорг батальона Дмитрий Иванович Фукалов. Как всё произошло с Георгием Жуковым, я лично не видел, так как тоже был присыпан землёй в окопе и какое-то время находился без сознания после того, как танк, приостановившись на моём окопе, сильно газанул и траванул меня выхлопными газами. Очнувшись от этого, сам себя откопал, так как правая рука и автомат были сверху засыпанной меня земли. В это время воинов-героев Березовского и Фукалова отправляли в медико-санитарный батальон. Жуков же оставался вдавленным в землю, и был ли он как-то похоронен, мне неизвестно.

Теря боевые машины и живую силу, противник не прекращал атак. Одной из групп вражеских танков удалось создать непосредственную угрозу командному пункту и штабу 29-го гвардейского ВДП. Командир полка гвардии майор Григорий Васильевич Кочетков, продолжая твёрдо управлять подразделениями полка, погиб как герой при защите КП от захвата про-

тивником. За отвагу, проявленную в этом бою, он посмертно был награждён орденом «Отечественная война» 1-й степени.

В командование полком вступил командир 3-го батальона гвардии майор Михаил Петрович Тараканов. Вместе с начальником штаба, гвардии капитаном Константином Михайловичем Филиным и старшим оперуполномоченным «Смерш» гвардейским капитаном П.И. Китиным он организовал круговую оборону командного пункта силами личного состава штаба, пулемётной роты и взвода разведки. Сюда же была подтянута капитаном Китиным и наша рота автоматчиков, а поскольку в ней людей осталось мало, он приказал мне создать отделение полностью из оставшихся в живых курсантов Новосибирского военно-пехотного училища, оставив его в своём личном распоряжении, а остальных передал в разведвзвод и пулемётную роту. Так я стал командиром отделения в непосредственном подчинении Петра Ивановича Китина и с этого момента никогда с ним не разлучался за весь период службы в 29-м гвардейском воздушно-десантном полку.

* * *

Важный опорный пункт — совхоз «Ударник» — был удержан отважными советскими воинами. Враг понёс здесь большие потери, но и 29-й гвардейский воздушно-десантный полк не досчитался многих гвардейцев. Полк вышел из окружения в составе всего 723 человек. Благодаря разумным действиям капитана Китина П.И. осталось целым и моё отделение. Во многом этому способствовало и то, что курсанты Новосибирского военно-пехотного училища были высокого уровня боевой подготовки и полевой выучки. В разведвзводе двух или трёх из них видел с медалью «За отвагу». А вообще, наградами в то время не разбрасывались: героически погибший рядовой Жуков, а также капитан Тарин (подвиг которого был занесён в боевой формуляр полка) правительственными наградами отмечены не были.

23 августа 1943 года настал блистательный конец оборонительной и наступательной операций Курской битвы, продолжавшейся 50 дней и вошедшей в историю, как одна из крупнейших битв второй мировой войны. Советские войска обескровили, измотали противника и затем перешли в наступление. Враг потерял тридцать отборных дивизий, в том числе, семь танковых. Общие потери составляли 500 тысяч солдат и офицеров, 1500 танков, 3000 орудий и свыше 3700 самолётов. С позором провалилась попытка немецко-фашистского командования взять реванш за поражение своих армий в битве под Сталинградом.

Корсунь-Шевченковская операция

В результате успешных действий 2-го и 1-го Украинских фронтов на кировоградском и житомирском направлениях немецко-фашистские войска, понеся большие потери в живой силе и боевой технике, были отброшены от Днепра на 50—100 км. Только в среднем течении реки противнику удалось удержать плацдарм в районе города Канев. Здесь противник располагал десятью дивизиями и одной мотобригадой, занимая оборону на местности, изрезанной балками, оврагами, речками. Питая надежды восстановить рубеж на Днестре, они рассчитывали на выгодную позицию в районе Канева и геббельсовская пропаганда продолжала похваляться, что их ротные повара по-прежнему заливают кухонные котлы водой из Днестра. Тут действительно имелась реальная угроза советским войскам, состоявшая в том, что стокилометровый выступ, образовавшийся клином между северным крылом 1-го Украинского и южным крылом 2-го Украинского фронтов, в любой момент мог разразиться ударом изнутри во фланг ушедшим вперёд нашим армиям. Действовать надо было опережающе, а поэтому войскам этих фронтов назначено было в ходе наступления

встретиться в Звенигородке 28 января 1944 года, полностью завершить окружение вражеских войск и в двухнедельный срок покончить с выступом встречным ударом под его основание. Характерной особенностью этой задачи было то, что противник располагал полнокровными частями, в его руках была густая сеть населённых пунктов, готовых узлов сопротивления.

Выступ, именуемый Корсунь-Шевченковским, тянулся с севера на юг на 90 км и с востока на запад на 125 км. Гитлеровское командование старалось превратить его в несокрушимую крепость своей 100-тысячной группировкой личного состава 1-й танковой и 8-й армий. В спешном порядке создавалась прочная оборона с развитой сетью инженерных сооружений и различного рода заграждений. В соответствии с поставленной задачей по Корсунь-Шевченковской операции, спланированной на период с 24 января по 17 февраля 1944 года, командующий 2-м Украинским фронтом генерал И.С. Конев решил главный удар осуществить севернее Кировограда смежными флангами 4-й гвардейской и 53-й армий, силами четырнадцати стрелковых и воздушно-десантных дивизий при поддержке артиллерии и авиации фронта и, прорвав оборону противника на участке Вербовка— Васильевка, развернуть наступление на Шполу и Звенигородку.

4-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта И.К. Смирнова, составляя правую ударную группировку фронта, должна была прорвать оборону противника и, развивая наступление в северо-западном направлении, создать внутренний фронт окружения.

7-я гвардейская Черкасская воздушно-десантная дивизия прорывала вражескую оборону на правом фланге армии и 20-го гвардейского корпуса.

Подготовка операции осуществлялась в сжатые сроки. На это отводилось немногим более десяти дней. Дивизия, в том числе и 29-й гвардейский воздушно-десантный полк, получила пополнение личного состава. Старший оперуполномоченный

ВКР «Смерш» капитан П.И. Китин почти круглосуточно вёл беседы с каждым из прибывших на пополнение в целях решения возложенных на него задач обеспечения государственной безопасности. Конкретную политико-воспитательную работу с молодыми людьми, необстрелянными солдатами, вели политработники. Акцент этой работы был перенесён в подразделения. Здесь были проведены митинги боевого содружества, на которых выступали стрелки-десантники, пулемётчики, бронбойщики, артиллеристы, саперы и связисты. Они рассказывали о недавних боях за город Черкассы, делились своим опытом. А хорошо подготовленного и обстрелянного воина убить не так уж просто. Там, где позволяла обстановка, проводились занятия по изучению оружия. Бывалые солдаты показывали, как устранять его неисправности в бою, быстро отрыть и замаскировать окоп и т.д.

На протяжении всего периода подготовки обеспечивалось усиленное питание личного состава, включавшее в себя трёхразовое питание горячей пищей, в том числе блюдами из свежего мяса. Расторопные хозяйственники на месте проводили приём мясных животных на убой, выдавая специальной формы справки о зачёте их в государственную мясопоставку. Ежедневно выдавалась и стограммовая норма спирта. Меня особенно удивило то, что уже в который раз при помывке в бане выдавалось новенькое бельё, упакованное в пакетах. Одновременно производилась подгонка обмундирования: и обуви, а при необходимости и их замена.

* * *

Все ранее осуществлённые победы воинов-десантников 7-й гвардейской ВДД и, в частности, 29-го гвардейского воздушно-десантного полка, были одержаны при высоком моральном подъёме и нравственном порыве, примерной дисциплине и боевой организованности личного состава, где на фоне

постоянного общего героизма отмечались и личные отличия, и подвиги.

24 января 1944 года такая честь выпала и мне, когда командиром 29-го гвардейского воздушно-десантного полка гвардии майором И.И. Голодом был отдан приказ: «Старший сержант Грачёв, уничтожить пулемётную точку!». Точку, которая препятствовала дальнейшему продвижению штаба полка за своими батальонами, ушедшими вперёд. Попав под шквальный пулемётный огонь, личный состав штаба залёг. Я оказался вблизи от командира полка и П.И. Китина, поэтому мне и поступила такая команда. После её выполнения в приказе командира полка гвардии майора И.И. Голода №06/н от 5 февраля 1944 года о моём награждении правительственной наградой отмечалось следующее: «Наградить медалью «За отвагу» командира отделения автоматной роты старшего сержанта Грачёва Василия Ефимовича за то, что в бою за деревню Вербиевка 24 января 1944 года, действуя в группе автоматчиков, первый подполз к огневой точке противника и гранатой вывел из строя ручной пулемёт, при нём уничтожил расчёт в количестве 2-х немцев».

Но в действительности не всё выглядело так гладко. На самом деле, гранатой был выведен из строя пулемёт «МГ-34» на треноге и два немца, а третий, находившийся поблизости, остался невредимым и вступил со мной в схватку. Ловким приёмом он вывихнул мне руку. Сильным ударом ногой мне удалось свалить его. И здесь вовремя подоспевший мой друг-сибиряк Николай Черных, не раздумывая, расстрелял его автоматной очередью.

Гвардии майор И.И. Голод прямо на поле боя вручил мне медаль «За отвагу», сказав: «Это всё, что у меня есть с собой». И тут же отправил меня на мотоцикле в медсанбат. Приказом награждение было оформлено только 5 февраля.

В медсанбате сразу же попытались разными способами вправить мне руку но не получалось. Тогда начальник медсанбата старший лейтенант Пётр Иванович Семёнов взялся сде-

лать это сам. Спазм сильной плечевой мышцы отпустил только после того, как мне преподнесли 100 грамм спирта. Вскоре наступило расслабление и Петр Иванович благополучно, без особого труда вставил плечевой сустав на своё место. Пробыв три дня в медсанбате с подвязанной рукой выписался и прибыл в полк на прежнее место.

Получив вывих правого плечевого сустава, впервые испытал и понял, что такое невыносимая боль. Выдернутая из сустава правая плечевая кость почти полностью ушла под кожей вниз. Когда сел в мотоцикл, с поднятой вверх рукой и он при движении начал прыгать на каждой ямке, всё моё тело пронизывала такая боль, что слёзы невольно катились из глаз, а минуты, пока меня везли в медсанбат, показались вечностью. Травмированный плечевой сустав остался моей болью на всю жизнь. После войны дважды случался привычный вывих: первый раз во время заброса спиннинга на рыбалке, второй — во время нахождения на курорте в Феодосии, при купании в Чёрном море. Не даёт и сейчас мне покоя этот сустав, обросший солями. Боль не снимается ни магнитным, ни грязевым лечением, короче — ничем.

Накануне нового наступления 2-й батальон 29-го полка под командованием вернувшегося в строй после ранения гвардии майора И.С. Гудыменко был назначен в передовой отряд дивизии.

После неоднократных попыток захватить Бурты с фронта командир 7-й гвардейской ВДД полковник Д.А. Дрычкин решил овладеть опорным, пунктом врага внезапной ночной атакой с флангов и тыла силами 29-го и 18-го полков. В ночь на 3 февраля батальоны обоих полков скрытно сосредоточились на северо-западной окраине Бурты и внезапной ночной атакой в 2 часа 3 февраля ворвались на северную окраину населённого пункта.

Ночной бой — это неопишуемое зрелище, переливавшееся всеми цветами радуги, так как вёлся с применением трассиру-

ющих пуль и снарядов, отчего даже посветлело небо. Немцы привыкли устраивать свои ночлег в населённых пунктах со всеми удобствами, оставляя в линии обороны только дежурных пулемётчиков, периодически постреливающих по всей линии отведённого сектора обороны. А тут совершенно неожиданно пришлось в очумелом от страха состоянии выскакивать на улицу кое-как наспех одетыми или вовсе раздетыми под прямой расстрел непрерывного автоматного огня гвардейцев-десантников. Тем не менее потребовалось около трёх часов напряжённого боя с тем, чтобы полностью овладеть этим опорным пунктом врага.

Таким образом, к исходу 3 февраля войсками 4-й гвардейской армии был создан внутренний фронт окружения. Части 7-й гвардейской ВДД, как и другие соединения армии, перешли к обороне, имея задачу не допустить прорыва противника из кольца окружения в юго-восточном и южном направлениях.

В эти дни отмечалась годовщина разгрома окружённой группировки гитлеровцев под Сталинградом. Это событие широко отмечалось и в частях 7-й гвардейской ВДД. Об этом говорили политработники и командиры, парторги и агитаторы в беседах, на политинформациях, писали в дивизионной газете и боевых листках в подразделениях. Появилось вошедшее в историю выражение: «Сделаем под Корсунь-Шевченковском второй Сталинград на Днестре». Численность окружённой группировки составляла до 80 тысяч человек, 1600 орудий и миномётов, до 70 танков и штурмовых орудий.

7-я гвардейская ВДД была переподчинена командиру 21-го корпуса и получила задачу в течение суток совершить 45-километровый марш и к утру 13 февраля занять оборону по восточному берегу реки Гнилой Тикач на участке совхоза Октябрь, юго-западнее участка Почапинцы — Шестеринцын — Моренцы и не допустить прорыва танков и пехоты противника в северо-восточном направлении на Шендеровку. Фронт обороны частей 7-й гвардейской ВДД составлял 13 км. Командный пункт дивизии был указан в Почапинцах.

Марш частей 7-й гвардейской ВДД, головной в корпусе, проходил в исключительно тяжёлых условиях. Передвижение по раскисшим полевым дорогам было крайне затруднительно. Очень часто орудия, миномёты проталкивали вручную. И боеприпасы воинам приходилось нести на себе. Большую и неоценимую помощь войскам оказало местное население, которое, не считаясь с ненастной погодой, в плохой одежде и обуви активно включалось в обеспечение продвижения частей соединения.

Сложные боевые задачи решали воины сапёрного батальона. Они восстанавливали разрушенные участки дорог, повреждённые мосты, проводили другие необходимые работы. Преодолев все трудности, гвардейцы-десантники к исходу 12 февраля полностью сосредоточились в указанном районе.

Командир дивизии гвардии полковник Д.А. Дрычкин провёл рекогносцировку местности, после чего был отдан приказ на занятие оборонительных участков. На правом фланге от населённого пункта Октябрь и южнее занял оборону 29-й гвардейский полк, в центре — 18-й, а на левом фланге до населённого пункта Шестеринцы — 21-й полк. Каждый из полков получил усиление пушечной батареей 10-го гвардейского артполка и батареей противотанковых орудий 8-го отдельного гвардейского истребительно-противотанкового дивизиона. Воины сапёрного батальона установили мины на танкоопасном направлении южнее совхоза Октябрь, против Лисянки.

14 и 15 февраля противник силами 20—25 танков с мотопехотой пытался прорваться через боевые порядки 7-й гвардейской ВДД из района Лисянки на Почапинцы, но вражеские атаки были успешно отбиты. Части 7-й гвардейской ВДД, усиленные противотанковой артиллерией и частями 29-го танкового корпуса, не пропустили врага.

Последнюю попытку вырваться из кольца немецко-фашистские войска предприняли в ночь на 17 февраля. С вечера разбушевалась пурга. Ничего не было видно. Однако, из показании

многих захваченных пленных следовало, что именно в эту ночь враг попытается осуществить прорыв и соединиться со своими войсками в районе южнее населённого пункта Октябрь. Поэтому, штаб 7-й дивизии предупредил командиров полков о возможных действиях противника, несмотря на сложную метеорообстановку.

Войска окружённой группировки, используя неожиданно начавшуюся метель, стремились любой ценой пробиться к своим. Ожесточенный бой разгорелся на участке в пятистах метрах восточнее высоты 222,5, южнее Почапинцев. Однако фашисты не смогли прорваться через боевые порядки дивизии. Отважные десантники 29-го и 18-го полков метким огнём из всех видов оружия, а также штыком, лопатой и гранатой отбивали атаки обезумевших гитлеровцев.

Вся артиллерия и миномёты, действовавшие против окружённого противника, открыли губительный огонь по идущим колоннам немецко-фашистских войск. Одновременно, несмотря на сильный снегопад и плохую видимость, в воздух была поднята 312-я ночная легкомобильная авиационная дивизия. Ее незаменимые в подобных обстоятельствах самолёты «ПО-2» в сложных метеороусловиях нанесли по врагу сильные и меткие бомбовые удары. При отражении вражеских атак чётко и эффективно действовал командир огневого взвода 10-го артиллерийского полка гвардии лейтенант И.Д. Тафля. В этом исключительно трудном бою особенно отличились гвардейцы. 8-й роты 29-го гвардейского воздушно-десантного полка, действовавшей на участке самого активного натиска противника. Отважные воины во главе с гвардии капитаном И.С. Прицким стояли насмерть и не пропустили врага. К 12 часам 17 февраля 1944 года всё затихло. Вражеская окружённая группировка прекратила своё существование. Противник в ходе Корсунь-Шевченковской операции потерял 55 тысяч солдат и офицеров убитыми, свыше 18 тысяч пленными, большое количество боевой техники и вооружения, 3842 лошади.

Уманско-Ботошанская операция

После завершения грандиознейшего сражения на Правобережной Украине, Корсунь-Шевченковской операции — второй Сталинградской битвы на Днестре, в начале марта 1944 года началась Уманско-Ботошанская операция.

4-я гвардейская армия, находясь в первом эшелоне ударной группировки фронта, имела задачу наступать в направлении Тальное, Умань, Оргеев. 7-я гвардейская воздушно-десантная Краснознаменная Черкасская дивизия после тяжелых боев была в большом некомплекте. В связи с чем ей было представлено две недели, с 18 февраля по 4 марта 1944 года, для пополнения людьми и вооружением. Одновременно части дивизии усиленно занимались боевой и политической подготовкой. Шёл процесс сколачивания рот и батальонов, батарей и дивизионов. Подготовка частей дивизии тесно увязывалась с предстоящим решением задач в условиях ранней весенней распутицы и своеобразной местности с большим количеством оврагов, балок и небольших, но трудных для преодоления рек. Предстояло также форсировать три крупных реки — Горный Тикич, Южный Буг и Днестр.

В 29-м гвардейском воздушно-десантном полку, как наиболее пострадавшем при отражении психических ударов гитлеровцев при попытках вырваться из Корсунь-Шевченковского котла, доукомплектование и подготовка к предстоящим наступательным боям проходили особенно напряженно. На пополнение прибывали совершенно неподготовленные призывники из только что освобожденных от оккупации немцев районов. И в течение двух недель их нужно было превратить в воинов-десантников, готовых штурмовать и побеждать упорно сопротивлявшегося неприятеля. Упорядочивалось тыловое хозяйство, пополнившееся множеством повозок, лошадей, кухонь и другого трофейного имущества. Много было оставлено, а излишки переданы фонду трофейного имущества, его специальной команде. В «хозяйстве» капитана П.И. Китина остались фаэтон, одна повозка, 4 ло-

шади и 4 седла. Все это принял для дальнейшего содержания и обслуживания назначенный коноводом сибиряк Валентин Григорьевич Брякин. Одна из этих лошадей предназначалась мне для поездок совместно с Петром Ивановичем. Для себя я лично в повозке оставил чемоданчик немецкого генерала и все, что было в нем нового и могло быть использовано в полевом быту, генеральский кортик, выковырнув из ручки две свастики, серебряные шпоры, новенькие сапоги хромовые и брюки, которые наш полковой портной перешил, подогнав на меня. Сослуживцы, увидев на мне это, подшучивали: мол, попадёшь к немцам, они сдерут со шкурой вместе. На что я вполне серьёзно отвечал, что потому и надел их, чтобы ни при каких обстоятельствах не попадаться к ним живым. Сейчас думаю, что, наверное, поступил тогда дурно и об этом можно было бы и умолчать. Но так было, и пусть Господь Бог простит меня за это.

В целях повышения боевой готовности и внедрения боевого опыта 29-й гвардейский ВДП принял участие в дивизионном тактическом учении с приданным танковым полком. Учение прошло в конце февраля с боевой стрельбой из стрелкового оружия, артиллерии и танков. В целом полк и дивизия были готовы к предстоящим боям.

Согласно боевому распоряжению штаба 4-й гвардейской армии 7-я гвардейская ВДД в ночь с 1 на 2 марта сменила части 53-й армии на восьмикилометровом фронте от Поповка до Ольховец, который определялся как полоса дальнейшего наступления.

В первом эшелоне находились 21-й и 29-й полки, а во втором 18-й полк. Общий резерв состоял из учебного батальона, а противотанковый — из 8-го отдельного гвардейского истребительно-противотанкового дивизиона (двенадцать 45 мм противотанковых орудий).

Артиллерийская плотность достигалась за счёт 16-й артиллерийской дивизии прорыва РВГК и составляла 160 орудий и миномётов на километр фронта прорыва. Такая большая ар-

тиллерийская плотность за время боевых действий 29-го полка была подготовлена впервые.

В ночь со 2 на 3 марта в тыл к противнику в направлении Ольховец, Гусаково были высланы разведывательные группы от 9-й отдельной гвардейской разведывательной роты дивизии, которой с февраля 1944 года командовал старший лейтенант Александр Васильевич Царев. Разведывательная группа под командованием старшего сержанта [ила Лобача, всё того же сибиряка-охотника, вместе с его партнершей Шурочкой скрытно проникла через передний край и вышла в тыл к противнику на юго-западную окраину Ольховец. Здесь разведчики и захватили в плен одного офицера и двух солдат из 2-го батальона 3-го парашютно-десантного полка 2-й парашютно-десантной дивизии противника. Кроме того, первая и вторая разведгруппы выявили огневую систему обороны немцев и собрали ценные данные об его оборонительной полосе. Показания захваченных пленных и добытые разведданные способствовали успешным боевым действиям в полосе предстоящего наступления.

В 7 часов утра 5 марта 1944 года на намеченный двухкилометровый участок прорыва обрушился шквал огня на всю глубину обороны противника, которого прикрывал легкий утренний туман и закрытое сплошными облаками небо.

С целью закрепления достигнутого успеха командование 7-й гвардейской ВДД ввело в бой свой второй эшелон — 18-й гвардейской ВДП. Развивая наступление, все три полка во взаимодействии с прибывшим для их усиления 3-м танковым корпусом продвинулись в южном направлении на 7—8 км и овладели населенным пунктом Гусакове, выполнив, таким образом, ближайшую боевую задачу дивизии и корпуса.

Преодолевая сопротивление вражеских войск, гвардейцы-десантники продолжали теснить противника. Отступление его подразделений 2-й парашютно-десантной дивизии все больше превращалось в бегство. Контратаки 11-й танковой дивизии

противника закончились тем, что на поле боя в районе Соколовочка неподвижно стояли подбитые нашими гвардейцами его 16 танков и 3 бронетранспортера.

Продолжая развивать наступление после героически отбитых немецких контратак, части дивизии к исходу 7 марта подошли к северному берегу реки Горный Тикыч и в ночь на 8 марта с ходу на подручных средствах форсировали эту водную преграду, захватив небольшой плацдарм на южном берегу у северо-восточной окраины г. Тальное. Бой за Тальное шёл весь день и всю ночь с 8 на 9 марта. Только к утру 9 марта после штурма городских кварталов этот райцентр Черкасской области был освобожден. Воины-десантники соединения захватили в городе 35 фашистских танков, 8 орудий, 250 автомашин, 4 склада с боеприпасами и большое количество продовольствия.

Столь успешные действия гвардейцев-десантников создали благоприятные условия для их совместных боевых действий с 5-й гвардейской танковой армией по овладению городом областного значения Умань, превращённым немцами в главную базу снабжения своих войск. 10 марта Умань была взята, и наши войска захватили богатые трофеи.

В результате ударов советских войск гитлеровцы, бросая боевую технику, быстро отходили в юго-западном направлении, чтобы создать оборону на южном берегу реки Южный Буг. Преследование отходившего противника гвардейцами-десантниками 29-го гвардейского ВДП в направлении на Гайворон проходило в исключительно тяжелых условиях весенней распутицы и бездорожья. Колесный транспорт, особенно автомашины, безнадежно отставали, завязнув в непролазной грязи. В результате всё тяжелое оружие — 82-мм и 120-мм миномёты, станковые пулемёты и боеприпасы гвардейцы-десантники несли на себе. Орудия сопровождения пехоты — 45- и 76-мм пушки полковой артиллерии и 76-мм дивизионные пушки везли на волах, а иногда перетаскивали на огневые позиции на лямках вручную силами орудийных расчетов или гуртом с помощью других солдат, вырывая из пле-

на грязи под общую команду: «раз, два с маху... еще сваху» и т.д. Опять-таки делать это приходилось нередко на голодный желудок. Вновь начинал действовать «бабушкин аттестат» — местные жители устраивали в своих домах обеды на 10—20 человек наших солдат и офицеров. Чаще всего было так: где какие «трофеи» достал, то и съел. Зайдя в один из домов, оставленный хозяевами, я обнаружил целый таз куриных яиц, присыпанных золой. Разбил двадцать штук в кружку, посолил и, размешав, выпил без хлеба, после чего целый день мучила икота. Не дай бог никому такое когда-либо переносить и переживать.

Преодолев все трудности, полки 7-й гвардейской ВДД к исходу 12 марта освободили большое село Таужное и получили новую задачу: продолжать наступление в общем направлении на Могильное, Сальково, чтобы в его районе с ходу форсировать реку Южный Буг.

В 6 часов 13 марта части 7-й гвардейской ВДД перешли в наступление в указанном направлении, имея в первом эшелоне 18-й и 29-й полки с 1-м и 3-м дивизионами 10-го арtpолка. За 29-м полком во втором эшелоне продвигался 21-й полк со 2-м дивизионом арtpолка и 8-м отдельным гвардейским истребительно-противотанковым дивизионом.

Наступление развивалось так стремительно, что враг не успел уничтожить переправы через Южный Буг. Преследуя отходившего противника, 29-й гвардейский воздушно-десантный полк буквально на плечах у врага переправился по уцелевшим переправам через Южный Буг и захватил плацдарм на его правом берегу в районе южнее Сальково.

Развивая наступление, гвардейцы-десантники 29 марта подошли к северной окраине Мокра. На следующий день, овладев этим опорным пунктом, продолжили наступление вдоль восточного берега Днестра. Эти активные действия десантников значительно приблизили освобождение г. Рыбницы частями 41-й гвардейской стрелковой дивизии 30 марта 1944 года.

Часть II

Смерть шпионам!

Гибель контрразведчика

С целью быстреего переноса усилий на противоположный берег Днестра 7-й гвардейский ВДД, командованием 21-го гвардейского стрелкового корпуса поставлена задача: развивая наступление с ходу форсировать Днестр в районе Жура и круто повернуть на юг с тем, чтобы отрезать пути отхода противнику в устье реки Реут в районе Дубоссары.

Выполняя эту задачу, гвардейцы-десантники к утру 3 апреля подошли к Днестру в районе Жура, на подручных средствах преодолели эту водную преграду, захватили плацдарм на противоположном берегу и предприняли активные наступательные действия. 5 апреля завязались упорные бои за крупное село Суслень. Выбив фашистов из этого опорного пункта, медленно продвигались к реке Реут южнее Огарева, преодолевая всё возрастающее сопротивление противника.

Во второй половине того же дня противник предпринял попытку остановить наступление 29-го полка, создав против него достаточно укрепленную оборону. Командир полка гвардии майор И.И. Голод принял решение: двумя батальонами с ходу нанести удар во фланг и тыл неожиданно появившейся обороны противника. Враг не выдержал удара, быстро откатился назад и пропустил подразделения полка вперед.

Через непродолжительное время перед двигавшейся походной колонной штаба 29-го полка внезапно появилась с левого фланга из опушки леса вражеская группа до 200 человек и при поддержке бронетранспортеров, быстро продвигаясь на окраину села, оказалась перед штабом полка на расстоянии 100—150 м. Начался неравный бой, в котором принял участие весь личный состав — от писаря до начальника штаба гвардии майора И.И. Шинкарёва.

Старший оперуполномоченный военной контрразведки «Смерш» гвардии капитан Петр Иванович Китин залёг на вспаханном огороде окраинного сельского дома, отстреливаясь из пистолета. Видя, что он продолжает оставаться на одном месте, когда все остальные отходят к лесу, находившемуся в тылу на расстоянии до одного километра, я двумя короткими бросками приблизился к нему и залёг рядом. Оказалось, что он убит. В этот момент из-за угла дома высунулся немец с ручным пулеметом, закреплённым через плечо ремнем, и дал длинную очередь выстрелов, которые опять-таки пронизали тело П.И. Китина. Ответной автоматной очередью я уложил этого немца. Забрав у Петра Ивановича личные документы из карманов кителя, я, уцепившись за его полевую сумку, начал отползать и перевернул его тело кверху лицом. Из рта его хлынула кровь. Так в героической борьбе с фашистами ушел из жизни замечательный кадровый офицер-контрразведчик, который совсем недавно, 13 марта, отметил по-фронтовому свой 31-й год со дня рождения.

Отход личного состава штаба 29-го полка к опушке леса состоялся с минимальными потерями благодаря тому, что весьма кстати вблизи оказались 45-мм орудия, которые в считанные секунды открыли уничтожающий огонь по немцам, подбили несколько бронетранспортеров и заставили их отойти на окраину села.

Добравшись под свистом пуль до опушки леса, где находились полуочумевшие от внезапного удара штабники, решил